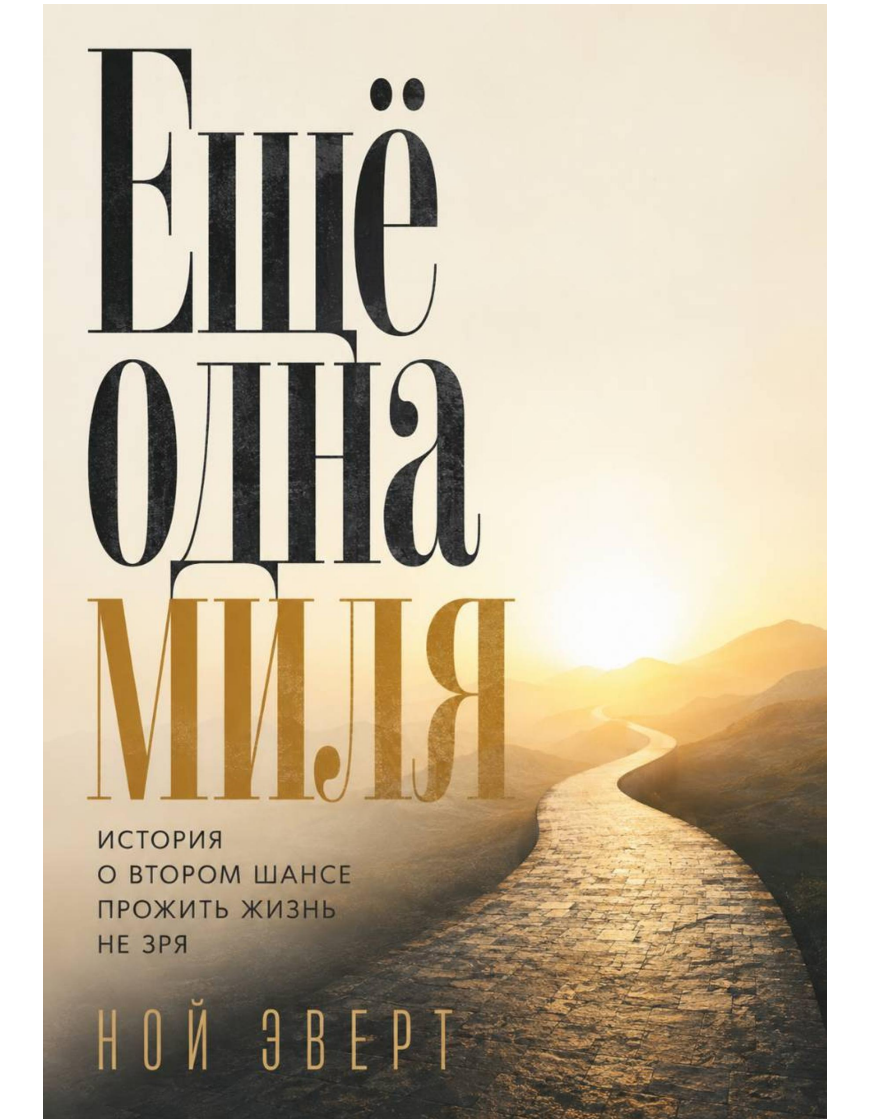

The background of the entire page is a photograph of a winding stone path that leads from the bottom left towards the horizon. The path is made of irregular stones and is flanked by low walls. In the distance, there are rolling hills or mountains under a bright, hazy sky where the sun is setting or rising, creating a warm, golden glow.

Ещё одна милля

ИСТОРИЯ
О ВТОРОМ ШАНСЕ
ПРОЖИТЬ ЖИЗНЬ
НЕ ЗРЯ

НОЙ ЭВЕРТ

Ной Эверт

Ещё одна миля. История о втором шансе прожить жизнь не зря

<https://litres.ru/74303397>

SelfPub; 2026

Аннотация

Большинство людей боятся смерти. Матвей боится кое-чего хуже: однажды обнаружить, что умер он много лет назад, просто тело забыло об этом.

Ему шестьдесят два. У него есть деньги, дом, уважение и главное проклятие успешного человека: право больше ничего не делать. Он покупает покой и неожиданно узнаёт его настоящую цену: собственную жизнь.

«Ещё одна миля» - не книга о позитивном мышлении. Это история о войне с самым убедительным мошенником на свете: собой. С тем голосом, который называет трусость осторожностью, лень усталостью, а капитуляцию зрелостью.

Матвей получает второй шанс и превращает оставшиеся годы в серию обетов: меньше жалеть себя, больше действовать, держать слово, видеть людей и каждый день проходить ещё одну милю.

Опасная книга. После неё некоторые оправдания становятся неприличными.

Содержание

Глава 1. Утро, которое нельзя отложить	5
Глава 2. Второе утро без карты	25
Глава 3. Когда утро требует огня	41
Глава 4. Тот, кто стоит перед тобой	53
Конец ознакомительного фрагмента.	55

Ной Эверт

Ещё одна миля. История о втором шансе прожить жизнь не зря

Глава 1. Утро, которое нельзя отложить

На краю большого южного города, где пыль с караванной дороги оседала даже на листьях смоковниц, стоял дом, который люди называли счастливым. У него были высокие ворота из тёмного дерева, внутренний двор с холодным колодцем, складские помещения, где ещё пахло кожей, пряностями и сушёными травами, и длинная галерея, по которой утром ходил хозяин дома.

Хозяина звали Матвей.

Когда-то это имя произносили на рынках с осторожным уважением. Никто не знал точно, сколько лавок принадлежало Матвею, сколько лодок шло под его знаком, сколько людей кормились от его договоров. Одни говорили - много. Другие говорили - слишком много для одного человека. Сам Матвей давно перестал считать. Сначала считал каждую мо-

нету, потом каждый мешок товара, потом каждый караван, потом только годы. А годы, как оказалось, считать страшнее всего.

Он был не стар настолько, чтобы смириться с покоем, но уже достаточно стар, чтобы покой начал казаться законным. Ему исполнилось шестьдесят два, и в этом возрасте многие поздравляют себя с тем, что больше никому ничего не должны. Матвей тоже пытался так думать. Он продал дальние дела, закрыл несколько лавок, оставил управляющим то, что ещё приносило доход, и поселился в доме, где всё было удобно, чисто и безжизненно.

Снаружи его называли мудрым человеком. Внутри он знал, что это неправда.

Мудрый человек не просыпается до рассвета с тяжестью в груди, будто за ночь ему подложили туда камень. Мудрый человек не ходит по галерее туда и обратно, считая плитки, чтобы не думать. Мудрый человек не прячется от тех, кто просит совета, если сам когда-то молился, чтобы хоть один сильный человек протянул ему руку.

Матвей прятался.

Он отказывал гостям, не раскрывая свитков с их просьбами. Он велел привратнику говорить, что хозяин нездоров, занят, уехал, молится, отдыхает. Иногда всё это было неправдой в один и тот же день. Он сидел в библиотеке, раскрывал книги и через четверть часа понимал, что не прочёл ни строки. Слова проходили мимо. Глаза двигались, а душа остава-

лась глухой.

И всё же дом называли счастливым.

Так бывает часто. Дом может быть полон серебра, зерна, тканей, сосудов с маслом, и при этом в нём будет пусто. Человек может купить тень для жаркого дня, мягкую постель для ночи, лучших лекарей для болезни, лучших поваров для стола, но не может купить себе причину подняться утром. А без неё даже хороший хлеб во рту становится сухим.

Каждое утро Матвей выходил во двор до того, как начинали шуметь слуги. Он шёл к старой скамье у колодца, садился и смотрел, как первые полосы света ложатся на стену. Раньше, в такие часы, он уже отдавал распоряжения. Лошади седлались, писцы стояли с табличками, управляющие спорили, носильщики ругались, на весах звенела медь. Теперь всё это происходило без него. И чем спокойнее шёл мир, тем яснее он чувствовал: мир не заметил его ухода.

Это было обидно.

Потом стало страшно.

Больше всего Матвей боялся не смерти. Он видел смерть слишком часто, чтобы удивляться ей. В дороге умирали от лихорадки. В море - от бури. На рынках - от ножа. В домах - от старости, которая не спрашивает разрешения. Нет, смерти он не боялся. Он боялся прожить остаток дней так, чтобы даже собственная память в конце отвернулась от него.

Однажды утром, когда воздух был ещё прохладным, а над крышами висела тонкая синяя дымка, Матвей задремал на

скамье у колодца. Ему приснилась дорога.

Он снова был мальчишкой. Босые ноги горели от песка, плечо ныло под тяжёлым тюком, и старший погонщик кричал на него так, будто крик мог заменить хлеб. Мальчишка Матвей нёс воду к животным и думал только об одном: когда-нибудь он выберется. Не из бедности даже. Из унижения. Из того состояния, когда любой взрослый может ударить тебя по затылку и даже не запомнить твоего лица.

Во сне он увидел себя стоящим у дороги много лет спустя. Мимо проходили люди. Бедные, злые, усталые, растерянные. У одного была порванная обувь. Другая несла ребёнка и не могла выпрямить спину. Молодой парень с сильными руками смотрел на землю так, будто уже проиграл жизнь, хотя ещё ничего не начал. Старик сидел у стены и просил не мону, а слово, но никто этого не слышал.

Матвей хотел пройти мимо. У него ведь были свои печали. У него были годы, потери, усталость, право на тишину. Он почти убедил себя в этом, когда среди толпы появилась женщина в светлом покрывале.

Это была Анна, его жена, умершая восемь лет назад.

Она не выглядела мёртвой. Она выглядела такой, какой была в первые годы их брака: спокойной, внимательной и немного насмешливой. Матвей всегда побаивался этого её взгляда. Не потому, что она осуждала. Она просто видела лишнее. Видела, когда он хвастался смелостью, а на деле боялся. Видела, когда называл *prudence* осторожностью, хотя

это была обыкновенная трусость. Видела, когда он помогал бедным, чтобы заглушить совесть, а не потому, что ему было больно за них.

Во сне она взяла его за руку.

- Ты слишком долго сидишь у своего колодца, - сказала она.

- Я устал.

- Устают те, кто несёт. Ты давно ничего не несёшь.

Ему стало стыдно, как мальчишке.

- Что я могу? - спросил он. - Я уже раздал больше, чем многие заработают за жизнь.

Анна посмотрела на дорогу. Там всё так же шли люди, и каждый нёс свою невидимую ношу.

- Деньги облегчают голод, - сказала она. - Но они не всегда поднимают человека с земли. Ты знаешь, как подниматься. Вот что у тебя просят.

- Кто просит?

- Те, кого ты не пускаешь за ворота.

Матвей хотел возразить, но сон оборвался.

Он открыл глаза резко, как открывают дверь перед бедой. Солнце уже поднялось. Во дворе сустились слуги. У колодца стоял Захар, его старый управитель, с лицом человека, который хотел уйти и не мог.

Захар служил Матвею тридцать шесть лет. Когда-то он был быстрым, сухим и язвительным. Теперь стал полнее, осторожнее в движениях, но глаза его оставались прежними.

Эти глаза умели считать лучше весов и молчать лучше камня. Многим казалось, что Захар только ведёт книги. Матвей знал: половина его прежнего богатства стояла не на караванах, а на памяти этого человека.

- Что случилось? - спросил Матвей.

- Ничего, хозяин.

- Ты стоишь так, будто случилось всё.

Захар поклонился.

- У ворот человек. Просит встречи.

Матвей раздражённо потёр лицо.

- Ты знаешь мой приказ.

- Знаю.

- Тогда почему он ещё у ворот?

Захар не ответил сразу. Это было на него не похоже. Он всегда отвечал либо быстро, либо никак.

- Я собирался отослать его, - сказал он наконец. - Но он назвал ваше старое имя.

Матвей поднял глаза.

Старое имя знали немногие. В молодости, когда он ещё торговал на маленьком рынке, его называли Матвей-верёвка: худой, длинный, жилистый, всегда перетянутый ремнём, всегда готовый взяться за любую работу, если за неё платили честно. Потом имя исчезло. Богатые люди не любят прозвищ, напоминающих, что когда-то их можно было толкнуть плечом в грязь.

- Кто он?

- Говорит, что его зовут Савва. Пришёл из северных слобод. У него нет товара и нет просьбы о деньгах.

- Тогда что ему надо?

- Он говорит, что у него есть дело, от которого вы не имеете права отказаться.

Матвей усмехнулся бы, если бы не сон.

- Не имею права? Вот как.

- Я могу выгнать его сейчас же.

Матвей встал. Колени отозвались тупой болью. Он хотел сказать: да, выгони. Потом вспомнил дорогу, женщину в светлом покрывале и слова: «Те, кого ты не пускаешь за ворота».

- Проведи его в малую залу.

Захар впервые за долгое время улыбнулся.

- Слушаюсь.

Малая зала была самой простой комнатой в доме. Матвей принимал там людей, которым не хотел показывать роскошь. Стены без мозаики, стол из тёмного дерева, два кресла, полка с несколькими книгами, окно во двор. Когда он вошёл, незнакомец уже стоял у окна и смотрел на складские ворота, как человек, который умеет видеть в пустом дворе работу сотни рук.

Савва оказался ниже Матвея, крепко сбитый, с сединой в бороде и с лицом, обожжённым ветром. Одежда его была чистой, но дорожной. На сандалиях застыла серая пыль. Он поклонился без унижения. Это понравилось Матвею.

- Ты назвал меня именем, которое давно не звучало в этом доме, - сказал хозяин.

- Я слышал его от людей, которые помнят вас не по дому.

- И что же они помнят?

- Что вы умели продать товар, когда другие уже прятали его обратно в тюк. Что вы не бросали людей в дороге. Что вы однажды вернули деньги вдове, хотя по договору могли оставить их себе. Что вы начинали не здесь.

Матвей сел.

- Память людей щедра к тем, кто разбогател. Она добавляет добродетели к чужому золоту, как торговец добавляет воду в вино.

- Возможно. Но я пришёл не хвалить вас.

- Это уже лучше.

Савва сел только после кивка хозяина.

- Я много лет собираю людей в городах и слободах, - сказал он. - Не для зрелищ. Для разговора. Приходят ремесленники, мелкие торговцы, солдаты без службы, вдовы, ученики, люди, которые ещё живы, но уже уступили себе поражение. Они слушают тех, кто умеет говорить о деле. Не о богах, не о царях, не о высоких тайнах. О том, как человеку перестать гнить на месте.

Матвей молчал.

- Я слышал речи учёных, - продолжал Савва. - Они красивые, но после них бедняк возвращается домой и не знает, что делать утром. Я слышал крикунов. Они обещают быст-

рые чудеса и берут плату вперёд. Я слышал стариков, которые всю жизнь проигрывали, а под конец стали учить победе. Люди слушают, хлопают, расходятся и остаются такими же.

- А я, по-твоему, другой?

- Вы знаете цену победы. И цену поражения тоже.

Матвей откинулся на спинку кресла.

- Я давно не говорю с толпами.

- Значит, начнёте снова.

- Ты смел.

- Нет. Я просто слишком долго видел людей, которым нужен не хлеб на один день, а огонь в груди. Хлеб они найдут, если встанут. Но как встать, когда человек сам себе уже вынес приговор?

Эти слова ударили Матвея неприятно точно.

Савва вынул из-за пазухи сложенный лист.

- Через десять дней в нижнем городе будет ярмарка. Там соберутся люди из пяти округов. Я могу поставить помост у старой цистерны. Могу привести слушателей. Слухи о вас сделают остальное. Вы выйдете и расскажете им, как человек, рождённый без права на удачу, всё-таки берёт свою долю.

- И сколько ты хочешь получить?

Савва посмотрел прямо.

- Плату за работу. Не долю с каждого бедняка. Вход должен быть свободным.

Матвей ожидал другого. Он даже приготовил в уме отказ:

слишком дорого, слишком шумно, слишком глупо. Но свободный вход лишал его удобного возражения.

- Свободным? Тогда придут бездельники, праздные, любопытные. Придут поглазеть на старика, который вспоминает молодость.

- Придут. Пусть приходят. Из сотни десять услышат. Из десяти один сделает. Этого достаточно.

- Для кого достаточно?

- Для того одного.

В комнате стало тихо.

Матвей вдруг вспомнил человека, который много лет назад дал ему первый настоящий совет. Не деньги, не товар, не покровительство. Всего лишь совет. Старый торговец кожей тогда сказал ему: «Мальчик, перестань жаловаться на тяжёлую корзину. Пока ты её несёшь честно, она сильнее делает тебя, а не того, кто идёт пустой». Матвей ненавидел эти слова целую неделю. Потом понял, что старик был прав. С того дня он перестал проклинать любую работу, за которую платили, и начал учиться у неё.

Один совет иногда стоит больше сундука.

- О чём я должен говорить? - спросил Матвей.

Савва чуть подался вперёд.

- О том, что вы знаете наверняка.

- Наверняка я знаю только то, что человек чаще всего проигрывает себе раньше, чем рынку, врагу или судьбе.

- Вот с этого и начните.

Матвей усмехнулся. На этот раз по-настоящему.

- Ты пришёл продавать мне мою же жизнь.

- Нет. Я пришёл вернуть её вам.

Такая дерзость заслуживала либо гнева, либо уважения.

Матвей устал от гнева. Он выбрал уважение.

Когда Савва ушёл, Захар вошёл без зова. Он делал так только в прежние годы, когда дела требовали скорости.

- Ну? - спросил он.

- Ты всё слышал?

- Двери в этом доме старые.

- И совесть у тебя старая.

- Зато ещё служит.

- Через десять дней я буду говорить на ярмарке, - сказал Матвей.

Захар медленно кивнул.

- Я велю подготовить одежду.

- Не надо дорогой.

- Тогда какую?

- Простую. Такую, в которой человек не прячется за тканью.

Захар записал это в уме.

- Что ещё?

Матвей повернулся.

- Найди старые книги учёта первых лет. Те, где я ещё писал сам.

- Они пыльные.

- Я тоже.
- Принести сюда?
- В библиотеку. И никого ко мне до вечера.

В день ярмарки Матвей проснулся до первого крика петуха. Он надел простой тёмный хитон, широкий пояс без украшений и старые дорожные сандалии. Захар принёс плащ из тонкой шерсти, дорогой, но не броский.

- Без него будет прохладно, - сказал он.

Матвей провёл рукой по ткани.

- Знаешь, что смешно? Я боюсь.

- Это не смешно.

- Я говорил с наместниками, с купцами, с людьми, которые могли разорить меня одним словом. А теперь боюсь ремесленников и торговков.

- Там нельзя спрятаться за сделкой.

- Да.

Захар помог ему застегнуть плащ.

- Хозяин, вы всю жизнь продавали людям то, что они могли унести в руках. Сегодня придётся предложить то, что они должны унести в себе. Это труднее. Но вы не обязаны делать за них остальное.

- А если никто не услышит?

- Один услышит.

Матвей посмотрел на него.

- Ты сговорился с Саввой?

- Нет. Просто один человек - это больше, чем кажется ста-

рикам с большими домами.

Площадь у старой цистерны шумела задолго до полудня. Торговцы кричали, дети носились между корзинами, пахло жареным мясом, потом, шерстью, пылью и кислым вином. Помост стоял у каменной стены. Никакой роскоши. Несколько досок, навес от солнца, кувшин воды. Савва оказался умелым устроителем: люди уже знали, кто будет говорить, и собирались не только из любопытства. Хотя любопытных, конечно, было больше.

Матвей стоял за помостом и смотрел на толпу через щель в ткани. Он видел лица. Это было хуже, чем видеть толпу. Толпа всегда кажется легче: шум, масса, движение. Лица требуют ответа. Вон юноша с упрямым подбородком. Вон женщина с руками, красными от стирки. Вон старый воин, который пришёл скорее посмеяться. Вон мальчишка на бочке, грязный, худой, внимательный.

Матвей вдруг захотел уйти.

Савва будто прочитал это по его спине.

- Поздно, - сказал он.

- Для чего поздно?

- Для бегства.

- Никогда не поздно для бегства.

- Тогда для уважения к себе будет поздно.

Матвей вышел.

Шум не исчез сразу. Люди ещё договаривали, толкались, кто-то смеялся. Потом передние ряды стихли, тишина по-

шла дальше, как вода по канаве. Матвей поставил руки на край помоста. Листы лежали перед ним, но буквы вдруг стали мелкими и ненужными.

Он поднял голову.

- Я пришёл к вам не как победитель, - сказал он, - а как человек, который слишком часто проигрывал самому себе.

На площади стало тише.

- Если вы ждёте от меня тайны, как быстро разбогатеть, уходите сейчас. Быстрые тайны продают те, кто богатеет на вашей надежде. Если вы ждёте утешения, что во всём виноваты правители, соседи, плохие времена, жадные купцы и злые родственники, я тоже плохой помощник. Всё это бывает. Люди обманывают. Времена давят. Сильные часто берут больше, чем им принадлежит. Но я видел бедняков, которые вставали, и богачей, которые гнили живьём. Значит, дело не только в обстоятельствах.

Старый воин перестал ухмыляться.

- Я был мальчишкой без защиты. Носил воду, спал возле тюков, ел после животных, если день был неудачный. Тогда мне казалось: вот получу деньги, и всё изменится. Потом я получил первые деньги и узнал, что вместе с ними приходит страх их потерять. Потом получил больше и узнал, что зависть не умирает от золота. Потом стал хозяином и узнал, что можно командовать сотней людей и всё равно быть рабом собственной слабости.

Он говорил медленно. Не как оратор. Как человек, кото-

рый вспоминает и не всегда рад, что помнит.

- Самый опасный мой враг ни разу не нападал на меня с ножом. Он не поджигал мои склады. Не портил товар. Не крал деньги из сундука. Он жил во мне и говорил очень разумно. Когда надо было встать раньше, он говорил: ты устал. Когда надо было признать ошибку, он говорил: тебя подвели. Когда надо было учиться, он говорил: ты и так знаешь достаточно. Когда надо было попросить прощения, он говорил: хозяину нельзя унижаться. Когда надо было начать сначала, он говорил: уже поздно.

В толпе кто-то опустил глаза.

- Я верил ему много раз. И каждый раз платил. Не сразу. Самые дорогие счета приходят позже. Сегодня ты оправдал лень - через год называешь себя несчастливым. Сегодня соврал в малом - завтра люди не доверят тебе большое. Сегодня пожалел себя вместо дела - через десять лет сидишь у своего колодца и не понимаешь, куда ушла жизнь.

Матвей сделал глоток воды.

- Я не прошу вас стать великими. Большинство громких обещаний нужно только для того, чтобы человек почувствовал себя важным до работы. Я прошу меньшего. Завтра утром не выходите из дома пустыми. Возьмите с собой одно дело, которое должно быть сделано до заката. Не десять. Не сто. Одно. Такое, от которого вы обычно уходите. Вернуть долг. Договориться о работе. Починить инструмент. Попросить прощения. Выучить цену своему товару. Прекратить

пить до полудня. Сказать сыну правду. Начать то, что вы откладывали так долго, что оно стало похоже на могилу.

Мальчишка на бочке подался вперед.

- И когда ваш внутренний советчик начнёт объяснять, почему можно отложить, не спорьте с ним долго. Он любит длинные разговоры. Просто сделайте. Человек меняется не от торжественных мыслей, а от исполненного дела. Одно дело до заката. Потом ещё одно. Потом ещё. Так строятся дома, состояния, ремесло, имя, уважение к себе. Не прыжком. Не чудом. Камень к камню.

Теперь Матвей уже не видел площадь целиком. Он видел нескольких людей, и говорил им.

- Не жалейте себя слишком охотно. Жалость к себе сладка, когда она во рту, и ядовита, когда попадает в кровь. Она сначала гладит по голове, потом кладёт на землю. Я не говорю: не плачьте. Плачьте, если больно. Я не говорю: не падайте. Падает каждый. Но не стройте дом на месте падения. Не украшайте его. Не зовите соседей смотреть, как вам плохо. Встаньте, как только сможете. А если не можете, ползите к тому, кто поможет встать. Это тоже движение.

Женщина с красными руками вытерла глаза краем платка. Матвей заметил это и едва не сбилсся.

- Я знаю, что некоторые из вас думают: легко ему говорить, у него дом, слуги, деньги. Да, у меня всё это есть. Но я видел людей с полными домами, которые были беднее нищих, потому что продали свою волю удобству. И видел бед-

няков, у которых ещё ничего не было, кроме честного утра, крепких рук и слова, которое они держали. Не презирайте малое. Большая жизнь часто начинается с малого дела, выполненного без свидетелей.

Он замолчал.

Тишина стала уже не пустой, а рабочей. В ней люди думали.

- Завтра, - сказал Матвей, - я тоже начну с одного дела. Я слишком долго сидел за стенами и называл это покоем. Это была не мудрость, а страх, переодетый в усталость. Я выйду снова. Буду говорить там, где меня станут слушать. Не потому, что я лучше вас. А потому, что человек, который выбрался из ямы, должен хотя бы крикнуть вниз, где есть выступ.

Он хотел закончить красивее, но остановил себя.

- На сегодня всё. Идите. До заката ещё есть время.

Сначала никто не хлопал. Матвей почувствовал, как сердце провалилось. Потом старый воин поднялся и ударил ладонью о ладонь один раз, тяжело, как молотом. За ним ещё кто-то. Потом вся площадь зашумела. Но аплодисменты были не главным. Люди не улыбались празднично. Они переговаривались коротко, сердито, задумчиво. Некоторые уходили быстро, будто боялись растерять услышанное до дома.

Савва подошёл к Матвею, когда тот спустился с помоста.

- Видели мальчишку на бочке? - спросил он.

- Видел.

- Он украл утром лепёшку у торговца. После вашей речи вернул медяк. Не весь долг, конечно. Медяк ему дала какая-то женщина. Но он вернулся.

Матвей посмотрел в сторону площади. Мальчишки уже не было.

- Один? - спросил он.

- Один.

Матвей устало улыбнулся.

- Достаточно.

Вечером, вернувшись домой, он не пошёл к колодцу. Он вошёл в библиотеку, положил перед собой чистый свиток и долго смотрел на него. Речь была сказана. Но речь исчезнет. Её унесёт шум ярмарки, усталость, бытовая злость, завтрашняя торговля. Слово, если не дать ему тела, слишком легко растворяется.

Он взял палочку и написал:

«Первый обет: больше я не стану жалеть себя так, будто жалость заменяет дело».

Потом остановился.

Нет. Слишком длинно.

Он зачеркнул и написал проще:

«Никогда больше я не буду строить себе убежище из жалости».

Эта строка ему не понравилась. Слишком красиво.

Он снова зачеркнул.

Наконец вывел медленно, крупно:

«Никогда больше я не стану жалеть и унижать себя».

Вот так.

Не украшение. Не песня. Обет.

Матвей понял, что одной речи мало. Нужны свитки. Не для толпы сразу, а для человека один на один с собой. Чтобы утром он мог прочесть и вспомнить, кто его главный враг. Чтобы вечером, усталый и злой, он мог прочесть снова и не предать себя перед сном. Не мудрость на полке. Работа в руках.

Он позвал Захара.

Старик пришёл с лампой.

- Завтра купи хорошую кожу для свитков, - сказал Матвей.
- И найди двух писцов с крепкой рукой. Нет, трёх. Работы будет много.

- Вы решили продолжать?

- Я решил начать.

Захар поставил лампу на стол. Свет лёг на чистый свиток, на зачёркнутые строки, на усталое лицо хозяина.

- Тогда надо поесть, - сказал он.

Матвей рассмеялся.

- Ты слышал великое решение и говоришь о похлёбке.

- Великие решения плохо держатся на пустом желудке.

- Принеси.

Когда Захар ушёл, Матвей подошёл к окну. Ночь была тёплой. Где-то за стеной лаяла собака, скрипела телега, переговаривались поздние прохожие. Город жил. Страдал, торго-

вал, обманывал, любил, уставал, начинал снова. Раньше этот шум раздражал его. Теперь он показался зовом.

Он подумал об Анне. О её словах. О дороге из сна. О мальчишке на бочке.

Может быть, завтра тот мальчишка снова украдёт. Может быть, женщина с красными руками опять промолчит там, где надо говорить. Может быть, старый воин посмеётся над собой и забудет всё к утру. Человек меняется тяжело. Матвей знал это лучше многих. Он сам всю жизнь торговался с собственной слабостью и часто уступал ей за бесценок.

Но сегодня один медяк был возвращён.

И один старик за высоким забором перестал притворяться мёртвым.

Для первого дня этого было достаточно.

Глава 2. Второе утро без карты

Я проснулся раньше петуха.

Так бывало и прежде, но прежде в этом не было никакой победы. Старик часто просыпается затемно не потому, что он бодр, а потому, что сон покинул его, как слуга, которому больше нечего делать в доме. Лежишь, смотришь в потолок, слушаешь, как в груди ходит воздух, и начинаешь перебирать старые обиды. Одна за другой. Будто нищий пересчитывает медяки и всё надеется, что между ними найдётся золотая монета.

В тот день всё было иначе.

Я лежал тихо, не открывая глаз, и повторял первые слова, которым решил подчинить оставшиеся мне годы. Больше не жалеть себя. Больше не уменьшать себя перед людьми и перед Богом. Больше не делать из старых ран доказательство, что мне ничего не положено.

Легко произнести такие слова вечером, когда в комнате горит лампа и никто не спорит с тобой. Труднее подняться утром и проверить, не были ли они только красивым шумом во рту.

Я сел на край постели и долго смотрел на свои руки. Они уже не были руками юноши. Вены выступали, кожа стала суше, пальцы медленнее слушались. Но эти руки ещё могли открыть дверь, взять хлеб, написать строку, поднять ношу, по-

жать ладонь другому человеку. Значит, они ещё могли слушать.

Я сказал себе вслух:

- Сегодня ты не будешь бродить, как потерявшийся осёл.

Слова показались грубыми. И хорошими. Потому что я слишком долго говорил с собой так, будто утешал больного ребёнка, хотя передо мной стоял не ребёнок, а взрослый мужчина, который много лет сам таскал за собой цепи и называл их судьбой.

На столе лежал чистый лист. Рядом - тупой карандаш. Я мог бы начать день привычно: выйти, пройтись, посмотреть на небо, поздороваться с теми, кто попадётся на дороге, а потом позволить случаю решить, чем наполнится моё время. Так я и жил. Случай был моим хозяином. Настроение было моим советником. Лень была моим писцом. А вечером я удивлялся, почему день, подаренный мне Богом, оказался пустым мешком.

Я взял карандаш.

Сначала рука не знала, что писать. Не потому, что дел было мало. Их было слишком много, и все они стояли передо мной, как толпа просителей у ворот богатого дома. Каждый тянул руку, каждый кричал, каждый уверял, что именно он важнее остальных.

Починить полку. Ответить на письмо. Навестить больного соседа. Разобрать старые записи. Пройтись до рынка. Вернуть долг вниманием человеку, который давно ждал разго-

вора. Прочитать страницу, которую я откладывал. Подумать о будущем. Сделать что-нибудь для души. Сделать что-нибудь для тела.

И тут я понял, почему раньше я так часто ничего не делал. Не от отсутствия дел. От их шума.

Когда перед человеком сразу целый мир, он садится и ничего не выбирает. Он говорит: завтра разберусь. А завтра приходит с тем же шумом, только громче. Потом недели складываются в месяцы, месяцы в годы, и вот уже человек обвиняет жизнь в том, что она прошла мимо, хотя она каждое утро приходила к его двери и ждала распоряжений.

Я написал первое дело.

Не великое. Даже смешное, если посмотреть со стороны. Я решил до полудня навести порядок в ящике стола, где много лет лежали письма, обрывки мыслей, старые счета, чужие просьбы и мои несдержанные обещания.

Почему именно это? Потому что нельзя строить новую жизнь на столе, где прошлое валяется пыльной кучей.

Вторым делом я записал прогулку до дома Михея, старого кожевника, который три недели назад просил зайти и помочь ему составить прошение к управляющему. Я пообещал и не пришёл. Потом дважды видел его издалека и оба раза свернул в другую улицу. Не потому, что не хотел помочь. Мне было стыдно. А стыд, если его не тронуть рукой, быстро превращается в трусость.

Третьим делом я написал: вечером прочитать свои записи

вслух и отметить, где я солгал себе.

Три дела.

Только три.

Я долго смотрел на этот короткий список и почти смеялся. Разве ради такой малости стоило принимать торжественный обет? Разве может жизнь измениться от трёх дел, записанных кривым почерком на дешёвом листке?

Потом я вспомнил мальчика, который ведёт верблюда через пустыню. Он не перетаскивает пустыню за один раз. Он делает шаг. Потом ещё один. И если он достаточно упрям, к вечеру оказывается там, где утром было только дрожание воздуха.

Мне хотелось добавить ещё пять, семь, десять дел. Хотелось доказать самому себе, что я изменился сразу и навсегда. Так часто начинается очередная неудача. Человек, который вчера не мог поднять камень, сегодня объявляет, что перенесёт гору. К вечеру он лежит под первым же обломком и опять называет себя ничтожеством.

Нет. Я больше не собирался пользоваться собственной горячностью как поводом для будущего отчаяния.

Я сложил лист пополам и положил его за пояс.

Когда я вышел во двор, утро было ещё прохладным. Камни под ногами держали ночную сырость. Возле стены сидела кошка и умывалась с таким достоинством, словно весь двор принадлежал ей. Я невольно улыбнулся. В другие дни я прошёл бы мимо, не заметив ни кошки, ни прохлады, ни тихого

света на листьях. Человек без цели не только теряет время. Он теряет зрение.

Я направился к своему столу.

Ящик открылся с жалобным скрипом. Внутри лежала моя маленькая история беспорядка. Письма, на которые я не ответил. Записки, написанные в порыве, а потом забытые. Счета, давно оплаченные и всё равно зачем-то сохранённые. Слова людей, ожидавших от меня ответа. Слова мои собственные, которых я испугался.

Первым делом мне захотелось закрыть ящик.

Именно так я поступал прежде. Я называл это осторожно: мол, нужно выбрать подходящий день, нужно быть в нужном расположении духа, нужно не торопиться. На деле я просто боялся увидеть, сколько мелких предательств совершил против самого себя.

Я вытащил всё на стол.

Солнце поднялось выше. Пыльные клочки бумаги лежали передо мной, как свидетельства в суде. Я начал разбирать их по одной. Что нужно сохранить - влево. Что нужно выбросить - вправо. На что нужно ответить - перед собой.

Сначала работа шла медленно. Я останавливался почти на каждом письме, вспоминал обстоятельства, оправдывал себя, сердился на других. Потом заметил, что снова ухожу от дела в туман воспоминаний.

- Нет, - сказал я. - Сегодня у тебя есть карта.

Это была простая фраза, но она вернула меня на дорогу.

Карта не делает путь лёгким. Она только не позволяет при-
твориться, что ты не знаешь, куда идёшь.

К полудню ящик был пуст, стол чист, а передо мной лежали четыре письма, требующие ответа. Одно я написал сразу. Коротко, без украшений. В нём было признание, что я задержался по собственной вине, а не из-за занятости, болезни или чужих препятствий. Когда я поставил последнюю точку, почувствовал странное облегчение. Будто вынул занозу, которая давно сидела в пальце, а я привык к боли и называл её частью руки.

После еды я отправился к Михею.

Дорога к его дому была неровной, с ямами после недавнего дождя. Возле лавок уже кричали торговцы. Один хвалил финики так громко, будто от их сладости зависело спасение города. Другой спорил с женщиной из-за цены на ткань. Мальчишки гоняли по пыли деревянный обруч. Всё было как всегда. Но я шёл иначе.

У меня было назначение.

Вот что меняет походку человека. Не слава, не богатый плащ, не похвала прохожих. Знание, что ты идёшь не просто потому, что ноги несут, а потому, что сам решил прийти.

Михей сидел у двери мастерской и чинил ремень. Он поднял глаза и сразу отвёл их. В этом движении было больше упрёка, чем в десяти громких обвинениях.

- Я думал, ты забыл, - сказал он.

- Я не забыл. Я не пришёл.

Он перестал работать.

Легче было бы сказать: дела задержали, здоровье подвело, люди отвлекли. Я почти чувствовал, как эти привычные слова стоят у меня за зубами и ждут, когда я их выпущу. Но я уже знал цену таким словам. Они спасают лицо на минуту и крадут уважение на годы.

- Прости, - сказал я. - Я обещал и не сделал. Сегодня пришёл исправить, если ещё нужен.

Михей долго смотрел на меня. Старые люди умеют молчать так, что молодые начинают суетиться. Я стоял и ждал. Наконец он кивнул на скамью.

- Садись. Нужен.

Мы писали прошение почти два часа. Он говорил сбивчиво, сердился, перескакивал с одного на другое, ругал управляющего, потом себя, потом умершего брата, из-за которого и началась тяжба. Я слушал и вытягивал из его рассказа суть. Где земля, чей договор, какие свидетели, кто что обещал, кто что нарушил.

Несколько раз я ловил себя на раздражении. Михей повторял одно и то же, терял мысль, просил переписать строку, потому что ему казалось, что она звучит слишком робко, потом слишком дерзко. Прежде я бы оборвал его. Мол, говори яснее, старик, не трать моё время.

Но ведь именно для этого я пришёл. Не показать своё превосходство. Не поставить галочку на листе. Помочь.

Когда прошение было готово, Михей взял лист двумя ру-

ками, будто это был не лист, а кусок хлеба в голодный день.

- Теперь хоть понятно, о чём прошу, - сказал он.

Я хотел ответить что-нибудь учтивое, но он вдруг положил ладонь мне на плечо.

- Ты мог и не приходить.

- Мог.

- Почему пришёл?

Я не стал рассказывать ему о своих обетах, о ночном пробуждении, о листке за поясом. Есть вещи, которые теряют силу, когда ими хвастаются слишком рано.

- Потому что обещал.

Он усмехнулся.

- Хорошая причина. Редкая.

На обратном пути я почувствовал усталость. Не тяжёлую, не злую, а чистую. Так устаёт человек, который сделал то, что должен был сделать. Это совсем другая усталость. От пустого дня тоже устаёшь, но там усталость липкая, с привкусом досады. Сидишь вечером и не можешь понять, куда делись силы, если ничего не совершил. А тут плечи ноют, глаза хотят закрыться, зато внутри стоит порядок.

Я вернулся домой перед закатом.

Листок с тремя делами был помят, край его потемнел от пота. Я развернул его и провёл пальцем по первой строке. Выполнено. По второй. Выполнено. Третья ждала вечера.

Никто не трубил в рог. Никто не принёс мне венок. Город не изменился. Бог не раздвинул облака, чтобы похвалить ме-

ня. И всё же день был другим. Не великим. Не торжественным. Просто моим.

Вот чего я раньше не понимал. Человек может владеть домом, лавкой, полем, мешком серебра и всё равно не владеть собственным днём. Он отдаёт его первому, кто позвал, первому страху, первой слабости, первой обиде. А потом удивляется, что жизнь стала похожа на двор после базара: всё разбросано, всё затоптано, ничего не найти.

Вечером я зажёл лампу и сел у стола. Комната стала тише. За стеной кто-то смеялся. На улице прошёл осёл, недовольно звякнула сбруя. Я прочитал вслух всё, что написал утром, и добавил под тремя строками ещё несколько слов.

Сегодня я впервые за долгое время не позволил дню случиться со мной. Я встретил его как хозяин, пусть пока и бедный хозяин, у которого всего три распоряжения.

Эта мысль показалась мне важнее, чем сама работа. Ведь бедность человека начинается не тогда, когда у него мало денег. Часто она начинается с того, что у него нет приказа для самого себя.

Я вспомнил годы, в которые жил без приказа. Утро приходило, а я ждал настроения. Если настроение было добрым, я что-то делал. Если хмурым - говорил себе, что не время. Если кто-то обижал меня - весь день становился жертвой этой обиды. Если кто-то хвалил - я на час оживал, а потом снова гас. Разве это жизнь взрослого мужчины? Это лавка без хозяина, где каждый прохожий берёт, что хочет.

Нет.

С этого дня я решил встречать рассвет с картой.

Не с громкими обещаниями, которые приятно произносить и трудно выполнять. Не с мечтами, такими большими, что за ними удобно прятаться от сегодняшнего дела. Карта дня должна быть простой. Что сделать до полудня. Кого увидеть. Какой долг закрыть. Какую слабость не кормить. Какой маленький камень положить в основание будущего дома.

Мечта без такого камня - дым.

Я не отказываюсь от больших желаний. Человек без большого желания быстро становится сторожем чужих дверей. Но большое желание нельзя каждый день класть на плечи целиком. Оно раздавит. Его нужно разбирать на посильные ноши.

Дом строится не словом «дом». Он строится камнем, раствором, потом ещё камнем. Урожай растёт не от разговоров о поле, а от семени, брошенного в землю в нужный день. Дружба возвращается не от сожаления, а от одного честного визита к тому, кого ты подвёл. Достоинство растёт не от мыслей о достоинстве, а от дела, выполненного без свидетелей.

Я начал понимать: карта дня нужна не только для успеха. Она нужна для правды.

Без неё человек легко врёт себе. «Я занят». Чем? «Я устал». От чего? «Мне не везёт». Где ты сегодня был и что сделал, чтобы везению было за что зацепиться? Карта задаёт неприятные вопросы. Поэтому я и избегал её столько лет.

С листком в руках нельзя долго изображать жертву.

Конечно, не каждый день подчинится мне. Будут болезни, чужие беды, внезапные новости, поломки, потери, люди с острыми языками и мягкими обещаниями. Жизнь не станет послушным слугой только потому, что я написал три строки утром. Но карта нужна не для того, чтобы отменить бурю. Она нужна, чтобы в бурю не забыть, где берег.

Я вспомнил один случай из юности.

Караван шёл через каменистую местность, где дорога то появлялась, то исчезала между низкими холмами. Я был тогда мальчишкой и думал, что старший погонщик знает путь потому, что родился с этим знанием. Он шёл спокойно, почти лениво, и я завидовал его уверенности. Ночью поднялся ветер. Песок бил в лицо, верблюды сбивались в кучу, люди ругались. Я испугался, что мы погибнем.

А старший погонщик сел на корточки за большим камнем, развернул кусок кожи с отметками и долго смотрел на него при закрытом фонаре. Потом поднялся и сказал:

- Идём левее. Там сухое русло. Оно выведет нас к колодцу.

Я спросил его потом, как он мог быть так уверен.

Он ударил меня по затылку - не зло, а поучительно.

- Уверен? Я не был уверен. У меня была карта. Это лучше, чем уверенность.

Только теперь я понял его.

Уверенность без карты часто бывает просто упрямством. Карта без уверенности всё равно полезна. Она даёт направ-

ление, когда сердце дрожит.

В ту ночь я долго не ложился. Мне хотелось сразу составить планы на неделю, месяц, год. Разложить всю жизнь по полкам, как я утром разложил ящик стола. Но я остановил себя.

Старый грех вернулся в новой одежде. Раньше я откладывал жизнь, потому что боялся первого шага. Теперь мог испортить начало тем, что набрал бы слишком много. Жадность бывает не только к золоту. Бывает жадность к исправлению себя. Человек хочет стать новым за один вечер, а утром обнаруживает, что не может даже встать вовремя.

Я взял другой лист и написал только завтрашний день.

Первое: подняться до рассвета и пройти до восточной стены, чтобы тело не ржавело раньше времени.

Второе: ответить на два оставшихся письма, не украшая себя оправданиями.

Третье: купить хлеба у вдовы Сары, которая кормит трёх внуков и никогда не просит помощи прямо.

Четвёртое: вечером перечитать новый обет и проверить, где день ушёл не туда.

Четыре дела. Больше не нужно.

Я положил лист под лампу, чтобы утром увидеть его первым, а не искать среди мыслей. Потом погасил огонь и лёг.

Сон пришёл не сразу. Но это уже была не та бессонница, где прошлое ходит по комнате и стучит костлявыми пальцами по стенам. Я лежал и видел завтрашнюю дорогу. Не всю

жизнь. Только несколько поворотов. И этого оказалось достаточно, чтобы сердце успокоилось.

Перед тем как уснуть, я подумал о тех людях, которые смеются над маленькими планами. Им подавай великие речи, большие намерения, широкие жесты. Они любят обещать себе новую жизнь с первого дня месяца, с начала года, после дождей, после праздника, после того как кто-то попросит прощения, после того как обстоятельства станут мягче.

Я слишком хорошо знаю этих людей.

Я сам был одним из них.

Они ждут удобного дня, а удобный день не приходит. Потому что день становится удобным только после того, как ты взял его за горло и заставил служить делу. До этого он такой же дикий, как необъезженный жеребец.

Утром я снова проснулся рано.

На столе меня ждал лист. Я увидел его ещё до того, как полностью пришёл в себя. И улыбнулся. Вчерашний я оставил сегодняшнему мне приказ. Не просьбу. Не надежду. Приказ.

Я поднялся.

Тело сопротивлялось. Колени ныли, спина просила ещё немного тепла, подушка казалась мудрее всех философов. Я почти услышал привычный голос: сегодня можно пропустить, ведь вчера был хороший день.

Опасная мысль.

Именно после маленькой победы человек часто проигры-

вает. Он начинает торговаться с собственным обетом. Один раз ничего не значит. Завтра наверстаю. Я заслужил отдых.

Может быть, и заслужил. Но я слишком долго отдыхал от своей жизни.

Я вышел на улицу.

Воздух был холоднее, чем накануне. Восточная стена города темнела впереди. Я шёл медленно, потому что не хотел превращать прогулку в наказание. Тело должно было понять, что я не враг ему, но и не слуга. Мы теперь будем работать вместе.

У стены я остановился. Солнце ещё не поднялось, только край неба начал светлеть. В этот час город похож на человека перед признанием: уже нельзя скрыться во тьме, но ещё можно выбрать, с каким лицом встретить свет.

Я достал лист и прочитал первое дело. Выполнено.

Смешно? Нет. Потому что первое дело дня - это не прогулка. Первое дело дня - доказать себе, что я не раб постели, настроения и вчерашней усталости.

Когда я вернулся, письма ждали. Я написал их без прежних украшений. В одном признал ошибку в расчётах. В другом поблагодарил человека, чью помощь когда-то принял слишком буднично. Удивительно, как трудно благодарить поздно. Пока благодарность свежая, она лёгкая. Потом на неё садится пыль, и человек боится выглядеть неловко. Но лучше неловкая благодарность, чем удобное молчание.

К Саре я пошёл ближе к полудню.

Её лавка стояла у узкого прохода между двумя домами. Хлеб у неё был не лучшим на рынке. Все это знали. Она месила тесто уставшими руками, сэкономила муку, часто пережаривала края. Покупатели брали у неё редко, больше из жалости, чем из любви к выпечке.

Прежде я бы прошёл мимо и потом, возможно, послал бы ей монету через мальчишку. Так проще. Богатому человеку легко быть щедрым на расстоянии. Монета идёт вместо него, и он не видит глаз того, кому помогает.

Я купил у неё два хлеба.

- Сегодня они жёсткие, - сказала она честно.

- Тогда будут крепче держать суп.

Она впервые за всё время, что я её знал, рассмеялась. Смех у неё был хриплый, непривычный, будто давно не доставала его из груди. Я заплатил больше обычного, но не бросил деньги, как милостыню. Попросил завернуть хлеб и сказал, что зайду ещё.

Когда уходил, она окликнула меня:

- Ты ведь мог купить лучше.

- Мог.

- Почему у меня?

Второй раз за два дня мне задали почти один и тот же вопрос. И второй раз ответ оказался простым.

- Потому что решил заранее.

Она не поняла. И не должна была. Не всякое объяснение нужно отдавать наружу.

К вечеру второй лист был почти закрыт. Я сидел у стола и смотрел на четыре строки. В голове появлялась опасная гордость. Вот, мол, теперь я стал другим. Два дня порядка - и уже можно учить остальных.

Я засмеялся.

Два дня - это ещё не новая жизнь. Это только дверь, которая приоткрылась. За ней длинная дорога, грязь, дождь, усталость, искушение повернуть обратно. Но дверь всё же открыта. Раньше я стоял к ней спиной.

Вечером я снова развернул лист и понял, что в нём нет никакого волшебства. Бумага не сделала меня сильнее. Чернила не дали мне мудрости. Просто я больше не мог прятаться за туманом слов. Передо мной лежало то, что я сам обещал сделать.

И этого оказалось достаточно.

Пусть завтра будет труднее. Пусть я снова услышу старый голос, который будет просить отсрочки, жалости и мягкой постели. Я уже знаю, что отвечу ему.

До рассвета я положу на стол новый лист.

Никогда больше я не встречу утро без карты.

Глава 3. Когда утро требует огня

Я долго думал, что человеку достаточно знать, куда он идет. Нарисуй себе путь, скажи себе правду, перестань жалеть себя, и будто бы ноги сами понесут тебя по дороге. Так мне казалось в те дни, когда я только начал выбираться из своей старой ямы, где всё было привычно: жалобы, усталость, недовольство собой и тихая зависть к тем, кто почему-то успевал больше, говорил смелее и смотрел прямо.

Но однажды утром я понял: карта сама по себе никого не спасает.

Она лежит на столе. На ней есть дорога, поворот, мост, опасное место у обрыва, отмеченный колодец. Можно склониться над ней, водить пальцем по тонкой линии и даже представить, как вечером ты окажешься там, где хотел. А потом выйти за дверь, сделать десять шагов и остановиться, потому что внутри пусто. Не больно даже. Просто пусто. Как в холодной печи, куда забыли положить дрова.

Так и человек. Он может выбрать цель, записать ее на чистом листе, дать себе обещание, но если в нем нет огня, он будет двигаться как наемный вол, которого ведут за веревку. Шаг. Еще шаг. Вздох. Остановка. Жалоба. И к полудню вся его великая решимость сдуется, как бурдюк, из которого выпустили воздух.

Я видел таких людей на рынках, в лавках, возле мастер-

ских, в богатых домах и у ворот бедных кварталов. Они не были глупы. Многие знали свое дело лучше иных хвастунов. У одного руки могли выточить дерево так, что оно казалось теплым даже зимой. Другой считал быстрее писца. Третий умел говорить с людьми так, что ему верили с первой минуты. Но все трое жили одинаково: просыпались без радости, работали без вкуса, возвращались домой с видом человека, которого весь день обманывали. Хотя никто их не обманывал.

Они сами не приносили в свой день ничего, кроме тела.

Тело пришло, руки работают, рот отвечает, глаза смотрят. А душа стоит в стороне и ждет, когда всё это закончится.

Я узнал себя в этих людях, и мне стало стыдно. Не тем стыдом, от которого человек прячет лицо и снова уходит в темный угол. Нет. Это был полезный стыд. Он похож на удар ладонью по столу: довольно.

Ведь если я уже сказал себе, что больше не буду себя жалеть, если я научился встречать утро с замыслом, то почему я должен тащить этот замысел, как мешок сырого песка? Разве дело только в том, чтобы выполнить назначенное? Разве день создан для того, чтобы я к вечеру поставил отметку и сказал: выжил?

Нет. День требует большего. Он требует моего участия.

Не присутствия. Именно участия.

Можно сидеть рядом с больным другом и ни разу не быть с ним. Можно стоять в лавке с рассвета до темноты и ни ра-

зу не продать товар по-настоящему. Можно слушать жену, сына, работника, покупателя и при этом ждать только паузы, чтобы вставить свою усталость. Так живут многие. И потом удивляются, почему мир отвечает им сухо.

Мир не обязан зажигать человека. Человек должен принести свой огонь сам.

В детстве это дается легко. Мальчишка бежит к ручью не потому, что вода там важна для хозяйства, а потому что ручей блестит на солнце и в нем можно пустить щепку как корабль. Девочка несет матери кувшин и по дороге разговаривает с каждым кустом. Молодой ученик не спит ночью перед первым настоящим поручением. Ему страшно, но страх сладкий. Он чувствует, что жизнь позвала его по имени.

Потом годы, неудачи, чужие смешки, нужда, потерянные надежды, грубые начальники, неблагодарные люди, долги, болезни и собственные ошибки понемногу гасят это чувство. Не сразу. Сначала человек только начинает осторожничать. Потом говорит: я уже не ребенок. Потом: нельзя же всему радоваться. Потом: жизнь есть жизнь. И наконец остается один короткий вздох, который он повторяет утром, днем и вечером.

Я слишком хорошо знаю этот вздох.

Он не шумный. В нем нет трагедии. Он почти приличный. Но в нем прячется поражение.

Поэтому теперь я буду беречь в себе воодушевление так, как путник бережет огонь в ночной пустыне. Не потому, что

оно украшает жизнь. Не потому, что с ним приятнее разговаривать. А потому, что без него даже верная дорога становится тяжелой, а малое препятствие кажется стеной.

Я видел, как один и тот же труд ломал одного человека и поднимал другого. Дело было не в силе рук. Не в удаче. Не в том, кто родился в добром доме. Один брался за дело так, будто ему вынесли приговор. Другой - будто ему дали шанс показать, чего он стоит. Первый уставал раньше, ошибался чаще, сердился на всех и в конце дня был уверен, что мир против него. Второй тоже уставал. Иногда больше первого. Но в его усталости было достоинство. Он знал: сегодня я сделал кусок своего будущего.

Вот разница.

Будущее не приходит к человеку целиком. Оно приходит в виде сегодняшней работы, сегодняшнего разговора, сегодняшней неприятности, сегодняшнего выбора. И если я встречаю всё это с кислым лицом, то сам отравляю воду, из которой собираюсь пить.

Я не говорю, что надо прыгать от радости, когда болит спина, когда покупатель грубит, когда письмо приносит плохую новость, когда близкий человек молчит и этим молчанием ранит сильнее крика. Такой радости не бывает. Кто требует ее от себя, тот скоро устанет и начнет себя презирать.

Но есть другое. Есть решение не отдавать свой день первой же неприятности. Есть привычка входить в работу не как осужденный, а как хозяин. Есть умение сказать себе: сейчас

тяжело, но это мое дело, и я сделаю его как следует.

В этом и есть огонь.

Он не всегда похож на пламя. Иногда он тихий, как уголек под золой. Его не видно соседу. Его не услышит прохожий. Но он держит тепло, пока вокруг сырость и ветер.

Когда я был моложе, мне казалось, что воодушевление должно само приходить перед великим делом. Жди знака, жди прилива, жди часа, когда сердце вдруг поднимется. Сколько дней я потерял в ожидании этого часа. Сколько возможностей прошло мимо, пока я сидел и объяснял себе, что пока не готов, что настроение не то, что силы не те, что завтра будет легче.

Завтра редко легче.

Легче становится после того, как человек начал.

Я запомнил это однажды на дороге, где наша повозка застряла после дождя. Колеса ушли в глину почти до ступиц. Лошади храпели, люди спорили, один ругал погоду, другой - дорогу, третий - тех, кто строил эту дорогу сто лет назад. А старый возчик, который за всю жизнь сказал меньше слов, чем иной человек за один обед, молча взял лопату и стал отбрасывать грязь от переднего колеса.

Никто не верил, что это поможет. Но через минуту второй взялся за другую лопату. Потом третий подложил камни. Потом кто-то распряг одну лошадь и переставил упряжь. Спор закончился не потому, что нашелся мудрый ответ. Просто один человек начал делать нужное.

Так воодушевление иногда приходит вслед за действием, а не до него.

Я буду помнить об этом, когда утро окажется серым и душа не захочет вставать. Я не стану ждать, пока во мне зазвучат трубы. Я умоюсь, расправлю плечи, открою дверь и сделаю первое дело. Пусть малое. Пусть самое простое. Починить, написать, спросить, принести, признаться, начать разговор, которого избегал. Огонь любит движение. Стоячая душа гаснет.

И еще я понял: нельзя подделывать воодушевление.

Люди чувствуют фальшь быстрее, чем нам хочется думать. Можно широко улыбаться, хлопать другого по плечу, говорить громкие слова, обещать горы, но если внутри нет настоящего участия, все это пахнет дешевой краской на старой двери. Сначала блестит, потом шелушится.

Настоящее воодушевление тише. Оно не требует, чтобы на него смотрели. Оно проявляется в том, что человек делает свое дело собранно, разговаривает внимательно, не экономит сердце там, где привык экономить, и не считает каждую минуту, отданную другому.

В старые годы я встречал продавцов, которые знали все уловки торговли. Они могли похвалить ткань так, что бедная женщина начинала верить, будто без этого куска шелка ее дом рухнет. Они могли поднять цену и при этом сделать вид, будто дарят товар почти бесплатно. Они умели льстить, спорить, давить, отвлекать, обещать. Но рядом с ними человеку

хотелось поскорее уйти, даже если покупка была нужна.

И были другие. Таких меньше. Они не хватали за рукав. Не сыпали словами. Они любили свое дело и уважали того, кто пришел. Покупатель видел: перед ним не охотник, а мастер. Такой человек продавал не только товар. Он отдавал уверенность. Он помогал выбрать. Он берег чужие деньги так, будто в них была часть его собственной чести.

Вот почему к нему возвращались.

Воодушевление без честности превращается в шум. Честность без воодушевления часто остается незаметной. Вместе они могут поднять человека выше, чем хитрость, связи и случайная удача.

Я должен учиться этому каждый день.

Не завтра, когда обстоятельства станут благоприятнее. Не после того, как меня похвалят. Не тогда, когда кто-то первым проявит ко мне доброту. Сегодня. С теми людьми, которые уже стоят передо мной. С той работой, которую уже надо делать. С тем телом, которое у меня есть, с тем временем, которое осталось, с теми ошибками, которые я сам натворил.

Человек часто мечтает о новом месте, потому что старое кажется ему тесным. Он думает: вот там я начну иначе. В новом городе, в новой должности, с новыми людьми, с чистой страницей. Но куда бы он ни ушел, он берет с собой свой прежний взгляд. И если этот взгляд тусклый, то и новое место скоро потускнеет.

Я не осуждаю перемены. Иногда человеку нужно уйти с

дурной дороги, оставить гиблое дело, перестать служить тому, кто использует его труд и презирает его душу. Но чаще мы бежим не от места. Мы бежим от собственной вялости. А от нее нельзя уехать на верблюде, корабле или царской колеснице.

Ее надо победить там, где стоишь.

Сегодня я буду делать обычное необычно внимательно. Скажу доброе слово не потому, что так положено, а потому что передо мной живой человек, которому, может быть, тяжелее, чем мне. Возьмусь за скучную работу так, будто от нее зависит моя честь. Не буду размахивать руками и громко объявлять, что теперь я другой. Пусть это станет видно без объявления.

И если вечером никто не заметит, я всё равно буду знать.

Есть победы, которые должны сначала состояться без свидетелей. Иначе они слишком рано превращаются в представление.

Я вспоминаю свое прежнее лицо. Сжатые губы, усталые глаза, готовность обидеться еще до того, как кто-то произнес слово. Я называл это опытом. На деле это была ржавчина. Она покрывает человека медленно. Он привыкает к ней и уже не замечает, как скрипит при каждом движении.

Теперь я буду очищать себя делом, улыбкой, вниманием, работой, которую не стыдно показать, и речью, после которой не нужно оправдываться. Я буду чаще спрашивать не почему мне не дали, а что я принес. Не почему меня не поня-

ли, а ясно ли я говорил. Не почему меня не любят, а сколько тепла во мне самом.

Трудный вопрос.

Но от трудных вопросов я больше не побегу.

Воодушевление не делает человека легкомысленным. Напротив, оно заставляет его относиться к жизни серьезнее. Не мрачно, а серьезно. Мрачный человек часто гордится своей тяжестью, будто она доказывает глубину. Он говорит мало, смотрит сурово, всему находит худшее объяснение и считает, что видит правду. Но правда не всегда кисла. Правда бывает бодрой. Она говорит: да, дорога неровная; да, люди неблагодарны; да, силы не бездонны; да, старые ошибки не исчезнут от одного желания. И всё же вставай.

Вставай и работай.

Вставай и учись.

Вставай и говори с человеком по-человечески.

Вставай и не делай из своей усталости царский указ, которому все должны подчиниться.

Я сам много лет подчинялся такому указу. Устал - значит, можно быть резким. Разочарован - значит, можно ничего не начинать. Обидели - значит, можно ожесточиться. Не оценили - значит, можно работать кое-как. Удобные законы для того, кто хочет проиграть и сохранить видимость правоты.

Теперь я отменяю эти законы.

Пусть усталость будет усталостью, а не оправданием. Пусть боль будет болью, а не поводом ранить другого. Пусть

неудача будет уроком, а не ямой, где я снова устрою себе жилище.

Когда я встречу человека, который смеется над моим новым рвением, я не стану спорить. Смеются обычно те, кто сам давно ничего не начинал. Они боятся чужого огня, потому что при его свете видна их собственная холодная печь. Может быть, когда-нибудь они тоже подбросят в нее дров. А если нет, это не мое дело.

Мое дело - не погаснуть.

Я не стану требовать от себя постоянного подъема. Это было бы глупо. У человека есть кровь, кости, память, старые раны, ночи без сна, дни, когда хлеб кажется безвкусным. Я не железо и не камень. Но я могу каждый раз возвращаться к огню. Подуть на него. Защитить ладонями. Найти сухую ветку. Сказать себе простую правду: пока во мне есть хоть искра, путь не окончен.

И, может быть, именно это отличает живого от мертвого при жизни. Не богатство. Не сила. Не имя, которое произносят на площади. А способность снова загореться после того, как ветер много раз пытался тебя погасить.

Сегодня я начну с малого. Я приведу в порядок стол, на котором работаю. Отвечу на письмо, которое откладывал. Поблагодарю того, чью помощь считал обычной. Сделаю одно дело лучше, чем от меня ждут. Не десять дел сразу. Не подвиг на глазах у толпы. Одно.

Потом второе.

Так строится новая жизнь. Не громом, а повторением.

Когда-то мне казалось, что успех приходит к людям особой породы. Теперь я вижу: многие из них просто сумели сохранить или вернуть то, что остальные потеряли, - интерес к собственному дню. Они входили в него не как в наказание, а как в поле, где можно посеять хоть что-то. Не всякое зерно взойдет. Не всякий труд окупится сразу. Не каждый человек ответит добром. Но пустая рука точно ничего не соберет.

Я буду сеять.

Сеять словами, которые не унижают. Делами, которые не стыдно вспомнить. Вниманием, которое не требует платы. Упорством, которое не шумит. И если иной день принесет мало урожая, я всё равно не назову его потерянным, если в нем я был живым, а не только присутствовал.

Вот мой новый обет перед утром.

Я не отдам свой день равнодушию.

Пусть солнце взойдет над бедным домом или богатым двором, над шумным рынком или пустой дорогой, над радостью или над тревогой. Я встречу его не как человек, которому опять навязали жизнь, а как человек, которому доверили еще один день. И если мне доверен день, значит, в нем есть дело для моих рук, слово для моего языка, улыбка для моего лица и огонь для моего сердца.

Не всегда большой.

Но настоящий.

И пока он горит, я не побежден.

Я не забуду и о другой опасности. Огонь легко спутать с суетой. Человек может бегать целый день, хвататься за одно, бросать другое, говорить всем, что он полон сил, и к вечеру оставить после себя только пыль. Настоящее воодушевление не разбрасывает. Оно собирает. Оно помогает выбрать главное и не предавать его каждые полчаса ради нового шума.

Поэтому, прежде чем броситься вперед, я спрошу себя: куда я сейчас вкладываю сердце? Если ответ пустой, я остаюсь. Не всякое движение ведет к жизни. Бывает бегство, переодетое в работу. Бывает болтовня, похожая на смелость. Бывает горячность, которая через час оставляет после себя усталость и стыд. Мне нужен не этот дешевый жар. Мне нужен ровный огонь, возле которого можно трудиться долго.

Пусть мой голос не всегда будет громким. Пусть мои шаги не всегда будут быстрыми. Но пусть в каждом моем деле будет знак: я здесь не случайно, я не отбываю наказание, я не жду, когда день закончится. Я участвую. И если сегодня мне удастся прожить хотя бы несколько часов с таким чувством, значит, старая тьма уже отступила еще на шаг.

Глава 4. Тот, кто стоит перед тобой

На четвертый день я проснулся злым.

Не той большой яростью, от которой человек хватается нож или кричит так, что во дворе шарахаются птицы. Нет. Это была мелкая, противная злость, похожая на песок в сандалии. Идешь, терпишь, делаешь вид, что ничего не случилось, а каждый шаг натирает кожу сильнее.

Сначала мне не понравилось, что слуга принес воду холоднее обычного. Потом меня раздражило, что во дворе кто-то громко смеялся. Потом показалось, что собака у ворот лает нарочно, именно в тот миг, когда мне надо собраться с мыслями. Я уже хотел позвать управляющего и спросить, почему в моем доме с раннего утра столько шума, будто здесь не люди живут, а базар переехал под крышу.

И тут я увидел свое лицо в медной чаше.

Вода дрожала, отражение было кривое, но его хватило. На меня смотрел старый человек с насупленными бровями, с губами, которые будто давно разучились принимать добрые слова. Не строгий хозяин. Не мудрый наставник. Не человек, начавший новую жизнь.

Обычный брюзга.

Я отставил чашу и рассмеялся. Сухо, неловко, почти сердито. Смеяться над собой неприятно, когда смех попадает в точку. Я уже три утра подряд говорил себе, что больше не

буду жалеть себя, что стану встречать день с целью, что огонь во мне не погаснет от первого ветра. И вот стоило слуге принести не такую воду, как мне хотелось, я снова превратился в прежнего Матвея.

Значит, враг был ближе, чем я думал.

Он жил не только в моей лени, не только в моем страхе, не только в привычке откладывать дело на завтра. Он сидел у меня на языке. Он прятался в глазах. Он выходил наружу в каждом коротком ответе, в каждом недовольном вздохе, в каждой минуте, когда я встречал человека так, будто он виноват уже тем, что оказался передо мной.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.